

ТИХОНОВСКИЙ ВЯТГОВЕСТЬ

№10 (202) 2020

Приходской вестник храма святителя Тихона, Патриарха Московского и Всероссийского, г. Обнинск

выходит с января 2004 г.

Гордость русской культуры

15 сентября преставился ко Господу православный литературовед-пушкинист Валентин Семенович Непомнящий (1934–2020) — писатель, доктор филологических наук, лауреат Государственной премии, заведующий сектором изучения Пушкина, председатель Пушкинской комиссии Института мировой литературы Российской Академии наук, один из ведущих отечественных исследователей творчества Пушкина. Валентин Семенович смог раскрыть тайны грешного, как и всякий земной человек, поэта и объяснить, что на самом деле Александр Сергеевич Пушкин принес России и человечеству. Основное качество работ В.С.Непомнящего — сочетание глубокого филологического анализа текстов с философским осмыслением Пушкина как центрального явления русской культуры, его места в отечественной истории, в судьбах России, его современного значения. В этих работах возобновился, впервые за советские десятилетия, христианский подход к проблемам, связанным с творчеством и ролью величайшего русского поэта. Будучи сам глубоко верующим человеком Валентин Непомнящий, смог дотянуться до духовных смыслов в произведениях Пушкина. Теперь и он ушел в Вечность, чтобы встретиться с великим русским поэтом Там... Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего новопреставленного Валентина! Мы публикуем избранные размышления покойного о Пушкине и не только.

Пушкин — не только моя специальность, но и мой учитель и поводырь в жизни, помогший мне, уже взрослому человеку, воспитанному атеистическим режимом, обратиться к вере, вспомнить о Христе. Отсюда мой постоянный интерес к религиозным основаниям пушкинского гения и пушкинского художественного мира, к изучению, с одной стороны, художественного мышления и творческого процесса поэта, а с другой — той активной роли, какую Пушкин поныне играет в судьбах нашего Отечества и в нашей жизни.

Культурный мир вокруг нас плохо знает, что это такое — Пушкин; но он слышал, что Пушкин — центр, глава, знамя и первая гордость русской культуры...

Христианская вера исключает поклонение человеку, даже такому, как Пушкин. Можно благоговеть перед гением, даром Божиим, который не заслуга того, кому он вручен; перед личным подвигом обладателя, достойно несущего такую ношу. Но ведь это совсем другое. Ни у кого из нас, будь он хоть трижды гений, нет права на поклонение со стороны других. Гений — это такое право, которое все состоит из обязанностей.

Есть книга, которую Пушкин дерзнул сравнить с Евангелием; это христианское сочинение, и оно называется «Об обязанностях человека». Не будем обсуждать, можно ли что-нибудь сравнивать с Евангелием, но таково уж было

впечатление Пушкина; думаю, его поразила, помимо прочего, сама постановка вопроса: не права человека, но — обязанности его. Это — изменение точки отсчета, другая антропология.

Права человека — категория социальная и юридическая, то есть по отношению к человеку внешняя. Права человеку обеспечиваются извне его, в наружных условиях его существования. Это категория цивилизации.

Обязанности человека — категория культуры, вещь внутренняя; они могут быть реально осуществлены только внутри человека. В этом смысле истинные обязанности человека есть категория религиозная, духовная, и сформулированы они в заповедях — как необходимые условия сохранности в человеке образа и подобия Бога. Никакие «права человека» немислимы там, где не исполняются обязанности человека как духовного существа: любые усилия тщетны, любые законы бессильны.

Мы с моим коллегой Михаилом Филиным составили большую книгу. Называется она «Дар». Подзаголовок — «Русские священники о Пушкине». В этой книге собраны наиболее характерные речи, слова, проповеди, беседы, статьи и отчасти даже исследования творчества Пушкина, его судьбы, его пути, личности, созданные православными священниками начиная с 1880-х годов до нашего времени. В ней есть, в частности раздел, где собраны письменные свиде-

тельства (воспоминания, письма, документы и пр.) прижизненных отношений Пушкина с Церковью и Церкви с Пушкиным. Отношений сложных, потому что до конца жизни за ним тянулась репутация как минимум религиозного вольнодумца, а то и атеиста. Он был человек закрытый, ни в своих письмах, ни в произведениях не декларировал свое мировоззрение. Оно выразилось у него только художественно. И это ему в глазах некоторых православных людей очень вредило. Они не понимали, как это можно верить и не очень часто произносить слова Бог, Господь, Христос, Спаситель.

Да и сейчас многие верующие люди не могут разобраться, какое же отношение эта гигантская фигура имеет к нашему российскому вероисповеданию. Одно дело — Хомяков, религиозный поэт в полном смысле слова. Или Державин, его оды «Бог», «Христос». Все понятно, все излагается в словах. А Пушкин ничего такого не говорит, но все равно он — центральная фигура в русской культуре. И без него представить себе Россию нельзя. Вот и приходится размышлять Пушкина: вообще-то он человек, конечно, был так себе, но зато поэт — гениальный. Или: писал замечательно, но — неправильно... Часто вопрос о Пушкине как поэте православного народа ограничивается выяснениями, насколько веровал или не веровал Александр Сергеевич — выяснениями по цитатам... Однако в той же самой среде, в недрах

православной церковной мысли со временем возник и развивающийся другой взгляд. Становится понятно, что как-то не так надо к Пушкину подходить, не надо делить это явление на составные части, на цитаты. А надо понять его целиком. «Пушкин — это наше все», — сказал Аполлон Григорьев. Это не значит, что в Пушкине все навалено, что в нас есть. Это значит, что он сосредоточивает в себе все главные черты нашего духовного строя как целого. Целое — это не сумма: это есть контекст, что по-латыни означает связность. Пушкин — «наше все» в том смысле, что в нем Россия выражается не в отдельных ярких чертах, а как связанное целое.

Если внимательно читать Евангелие, если хорошо вникнуть в учение Православной Церкви, то мы увидим, что та духовность, которую называют русской духовностью, — это есть и Православие. Православие — это не конфессия, как нам навязывают. Православие — это изначальное христианство, христианство до схизмы, собственно христианство. А конфессии — это все остальное. Митрополит Иларион в своем «Слове о законе и благодати» говорит, что иудеи соделывают свое оправдание при свете свечи закона, а христиане соделывают свое спасение под солнцем Христовой благодати. То есть иудейское оправдание не распространяется за пределы этноса, а христианство светит всему миру.

Стало быть, тот факт, что православная духовность получила

название «русской», случился в мире, как говорится, не от хорошей жизни. Мир вынужден был квалифицировать изначальное свойство православного христианства как этническое качество одной только России. В этом оказалась трагедия мира. Трагедия, которая совершилась формально во время схизмы, разделения христианства на «восточное» и «западное»...

Я не буду останавливаться на различиях между нашим христианством и западным. Просто, когда я рассказываю про это менее квалифицированной аудитории, я говорю: посмотрите на два распятия, православное и католическое: ведь на нашем распятии руки Христа раскинуты почти горизонтально, это символ объятия, а на западном — провисшее тело, то есть главное — телесная мука. Вспомним также: на Западе исчезла икона, а появилась картина. Картина — на которой изображен Спаситель, святые — является моим объектом, я на них смотрю, они передо мной предостоят. А перед иконой — ты предстоишь. И это условно называется «обратной» перспективой (а та — вроде «прямая»). Это не частность и не случайность, тут коренное различие духовных установок. В чем оно?

На Западе главный праздник — Рождество. «Нет гнезда выше орлиного, нет праздника выше Рождества», — говорит немецкая пословица. Почему?

В жизни человеческой на земле — много тайн... Раскрываются они не сразу и постепенно. Одна из этих тайн — старость, до которой молодости по большей части нет никакого дела...

Старость

Не будем забывать, что человек, в соответствии с замыслом Творца, был определен к бессмертию. Все, случившееся с праотцами впоследствии, — весьма болезненно для нашей природы, хотя и справедливо. В юности, при избытке жизненных сил, мы самодостаточны и как бы бессмертны... Когда же незаметно подкрадывается старость, мы начинаем испытывать противоречивое чувство несоответствия... Чего чужо? Ощущений души — телесному возрасту.

Со временем этот дискомфорт может достичь подлинного трагизма, потому что душа, почтенная от Создателя даром бессмертия, часто не «дотягивает» до почтенного возраста своей плоти, осознавая себя совсем юным существом. Между тем громко заявляющие о себе старческие немощи нуждаются в осмыслении со стороны человека, ибо они составляют жизненный крест для каждого из нас.

Их приход можно и должно «поддержать» благодаря правильному попечению о теле, но, увы, вовсе избежать неприятной встречи с телесными страданиями невозможно. К старости необходимо готовиться и тем, кто хотел бы всегда оставаться молодым; важно думать об этом и детям, родители которых мало-помалу украшаются «сединами на висках»...

Мы привыкли видеть наших самых близких родственников молодыми и сильными, однако всевластное время распорядится с ними по-своему...

Приходит час, и родители становятся полностью зависимыми от детей, как те некогда были зависимы от них. Честь и хвала детям, которые в общении с престарелыми родителями являют неистощимые терпение и мягкосердечие. Источник этих замечательных качеств — признательность. Горе и упрек тем, кто, забывая прошлое, тяготеют уходом за утробой, их породившей и питающей...

Мне хочется пожелать и детям, которым придется некогда постареть, и родителям, вздыхающим при воспоминаниях об их ушедших молодых годах, — благодушия — мудрого умения улыбнуться и увидеть даже в скорбных обстоятельствах светлую сторону нашей жизни, неотъемлемой частью которой является старость.

Душе обидно, что стареет тело...
Теряя гибкость, лёгкость, красоту,
Оно едва стоит и движется несмело,
О посох опираясь на ходу.
Над телом власть недуги тихо взяли —
Кряхтя встаёт, болезное, с утра.
А ведь когда-то в светлой школьной зале
Оно кружилось в танце, как юла.
Душе обидно — одряхлело тело.
Утратив свежесть, лоск, былую стать,
Сидит и ропщет: «Жизнь мне надоела», —
Желая душу под себя поднять.
Прошу: улыбочку и лёгкокрылость,
Храни в себе, разумная душа;
Наивно не рассчитывай на милость
От плоти — прах не смотрит в небеса.
Прекрасно вместе побродить по лесу —
Пусть освежится утренней росой.
Поверь: в её насущных интересах —
Тебя считать всевластной госпожой...

Протоиерей
Артемий Владимиров

Гордость русской культуры

Окончание. Начало на стр. 1

А потому, что Бог так любит меня, что Он мне уподобился. А раз так, раз Бог уподобился мне такому, каков я есть, — стало быть, я хорош таков, как есть...

А у нас главный праздник — Пасха, и это совсем другой подход: в Пасхе, в Своих страданиях, в Воскресении Бог зовет меня Ему уподобиться: «Возьми свой крест и иди за Мной».

Это разные точки отсчета. У них отсчет, грубо говоря, «снизу», от меня, а у нас — отсчет «сверху», от Бога (или, на светском языке, — от Идеала). Вот в чем разница западного и восточного христианства. Разные точки отсчета рожают и разную перспективу: у них — линейная, у нас так называемая «обратная». Не Бог предстоит мне на картине, а я предстою перед Богом. И я должен тянуться к Нему, а не мне уподобляться на каждом шагу.

Когда Русь выбрала веру (это произошло исторически мгновенно, потому что это было принято сразу всем сердцем, потому что в этом было услышано своё), — это был момент национальной самоидентификации. С этого момента возникла Русь. При всех войнах, междоусобицах, нестроениях — все равно культура была все-таки одна. Но в это же время, когда мы принимали христианство, на Западе назревали предпосылки того, что потом получило название схизмы. Возникло, осмелюсь сказать, два христианства: рождественское и пасхальное. Для рождественской культуры главная проблема — это как жить здесь, на земле. Это проблема судьбы, успеха, счастья, а оборотной своей стороной — проблема трагической участи человека. Западный человек чувствует, что он живет в ужасном, несовершенном мире, и поэтому, мол, он несчастен. Человек пасхальной культуры знает, что он живет в падшем мире, что Господь замыслил мир совершенным и замысел этот остается, но человек превратил этот мир в падший мир. И человек не только несчастен (хотя и несчастен), — он грешен. Он несчастен потому, что виновен. И вот в западной культуре, культуре безусловно великой, все-таки самая главная проблема — это счастье и несчастье. А у нас главная проблема — греха, совести и вины. Ни один поэт в мире не написал: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать», — это написал только русский поэт. И в этой одной строке больше Православия, чем во многих декларациях, где на каждом шагу употребляются слова Бог, Спаситель и т.д.: это внутреннее выражение православного мироощущения, хотя автор, вероятно, и не думал об этом.

Раскол христианства шел постепенно, ползучим образом, и наконец совершился — примерно тогда, когда Русь крестилась. И вот прошло несколько веков...

В любой культуре, в истории любой нации есть какие-то переломные моменты, но ни в одной культуре Нового времени не было такой гигантской, такой глубочайшей катастрофы, какая совершилась в России в XVIII веке. Петр сделал попытку одним махом, сразу переделать всю нацию. Переделать на протестантский манер, ввести в употребление идеалы силы, успеха, богатства и т.д., а идеалы праведности и святости, проблемы греха, совести, покаяния вынести за скобки (Пушкин, скажем, приводит петровский указ сократить количество монастырей). Так сказать, «сменить приоритеты».

Замыслы Петра были порусски широко, размахисты. Я вовсе не отрицаю необходимости многих реформ Петра. Но он хотел действительно переделать всю нацию по западному образцу.

Не окно было прорублено, а стена рухнула. И хлынуло отсюда все, что могло.

Но без воли Божией ничего не делается. И поэтому в недрах новой русской культуры, говорящей европейским языком, усвоившей европейские манеры, так же исторически мгновенно, как было принято христианство и как Петр произвел свой переворот, возник Пушкин — не прошло и ста лет. И вот этот мальчик, который был воспитан совершенно в западном духе (мама, папа его были светскими людьми, окружение все было светское, и ничего другого он не знал, то есть знал, конечно, в церковь водили, как положено, но читал в основном французские книжки), все усвоил так, как полагалось по законам новой России. Но вот что-то удивительное происходит с ним — и совершенно не потому, что он так хотел, или его так учили, или ему так посоветовали, или он сам додумался до этого. Это просто происходит. В 1817 году, в Лицее, 18-летний мальчик, которого еще абсолютно не интересуют духовные проблемы, пишет экзаменационное стихотворение «Безверие», согласно заданию написать про неверующего человека. Он говорит о муках неверующего человека. О таком предмете, о котором он вряд ли думал глубоко за месяц до этого. Но перед ним стояла творческая задача, а он — очень творческое существо, его душа сразу стала ра-

ботать. И он написал стихотворение, в котором удивительно точно описаны муки безверия. А написав его, пошел спокойно дальше — ничего с ним не случилось, потому что стихи родились из такой глубины его души, которая еще самому ему недоступна. Он еще сам не дорос до своей интуиции.

И это происходит с ним часто, все время, всю жизнь. Когда он писал «Бориса Годунова», он сам ощущал, что с ним что-то важное происходит: ни об одном другом произведении он не высказывался так много в том смысле, что это был решающий период в его жизни. Он писал в одном наброске: «Являюсь, отказавшись от прежней своей манеры». В другом случае он говорит: «Я чувствую, что душа моя развилась вполне — я могу творить». Еще: «Передо мной моя трагедия. Я прочел ее один, вслух, и бил в ладоши и кричал: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!»

То есть он прочел и был потрясен тем, что вышло из-под его пера. Это знакомо творческим людям — изумление тем, что у тебя получилось. Семен Людвигович Франк говорил, что два основания были у пушкинской религиозности: первое — это сознание божественности своего дара, как бы взгляд снизу вверх на это свое свойство. А второе — это отношение к красоте и любви как к Божественной сущности (потому что для Пушкина — если любви нет, то и Бога нет. Тема любви сопровождала его всю жизнь...).

Ведь когда он писал «Бориса Годунова», нельзя сказать, что он был очень уж верующим. А написал трагедию, которая вся проникнута религиозным, христианским духом. Не только потому, что там три важнейших действующих лица — иннокентийский монах Пимен, Патриарх, который выступает в кульминационный момент всей трагедии, и Юродивый — это люди, имеющие прямое отношение к Церкви; а потому, что там православный взгляд на историю. Это не «историческая» трагедия, а трагедия об истории: что такое история и как она получается.

Автор «Бориса Годунова» смотрит на человеческую историю как бы извне (в отличие, например, от западной исторической трагедии — ведь Шекспир находится как бы «внутри» истории, им воссоздаваемой, он смотрит на

падший мир изнутри самого падшего мира). И оказывается, что главное действующее лицо, режиссер всего — Божий Промысел. Все происходит так, как нужно. Процесс истории у Пушкина — это процесс искажения людьми Божьего замысла о человеке, но это процесс, над которым все время есть попечительный взгляд, который не дает человеку свалиться окончательно в пропасть. Промысел печется о человеке и дает ему возможность опомниться...

Что было бы, если бы после всего того, что мы сделали с Россией и с собою в XX веке, у нас все пошло бы хорошо? Это значило бы, что Сальери прав: «...нет правды на земле, Но правды нет — и выше», то есть можно творить все что угодно. И вот «Борис Годунов» Пушкина — это та модель истории, которая показывает, что нельзя творить все, что угодно.

«Борис Годунов» — это только один пример того, что художник может не говорить вслух «я православный, я христианин». Он излагает свое понимание, свое слышание Божьего мира. И если оно христианское, это можно понять вне деклараций.

В эпоху петровской революции, которая должна была переломить русскую историю, прервать нашу духовную родословную и построить новый мир, в это самое время в недрах той самой светской культуры, которую создала петровская революция, родился гений. А мы знаем, что культура для России — это самая важная вещь. Видимо, нужно было, если опять-таки судить в каких-то providentialных, промыслительных категориях, чтобы замысел Петра удался не вполне, чтобы он сработал только в известной мере. Чтобы Россия сохранилась как православная страна. Потому что без России как православной страны, без этой «русской духовности», вероятно, и мир не сможет существовать; потому что у России есть особая миссия по отношению ко всему миру. У Пушкина — особая миссия по отношению к России. Он связал то, что разрубил Петр. Вот почему он — центр нашей культуры, средоточие наших национальных ценностей.

Гоголь говорил, что Пушкин — это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. Обычно эти слова понимали как предсказание — мол, через 200 лет все будут такие, как Пушкин. Нет, это не предсказание — это переданное нам через Гоголя промыслительное требование, чтобы мы, в нашу эпоху испытания и искусства, держались. Ведь одна такая эпоха уже была, Петровская, и Россия сумела выстоять — во многом благодаря тому, что родила Пушкина. Значит, и сейчас сумеем, если у нас есть такое явление, как Пушкин.

Из книги Валентина
Непомнящего «Да ведают
потомки православных.
Пушкин. Россия. Мы»

Жизнь христианская, как мы знаем, невозможна без подвига — пусть не великого, не поражающего воображение, скромного и даже, может быть, незаметного для взгляда стороннего наблюдателя, но все же подвига. Царствие Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11: 12), — говорит нам в Евангелии Господь. А преподобный Исаак Сирий, великий угодник Божий, чей жизненный путь являет собой дивный образец обращенности ума и сердца горю, предостерегает забывающих об этом: «Никто не восходил на небо, живя прохладно».

ПОДВИГ

И все же... Все же, хотя мы, люди, верующие во Христа и в жизнь будущего века, и желаем, вне всякого сомнения, спастись и быть со своим Создателем в вечности, произволяющих подвизаться находится все меньше и меньше. Мы слишком теплохладны и слишком сильно стремимся к комфорту, чтобы с готовностью покидать его зону.

Но время от времени благодать все-таки не просто касается наших сердец, а достигает их глубины, заставляет встать, осмотреться вокруг, понять, насколько бедственно наше текущее, наличное положение.

И тогда появляется желание измениться, исправиться, хотя бы немного приблизиться к тому, какими хочет нас видеть Господь. Тут-то и становится понятно, какова мера нашего сердечного нечувствия — окамененного, как определяется оно обычно у отцов. И что тут удивительного! Слишком подолгу остаемся мы теми самыми лежачими камнями, под которые вода не течет. И чтобы выйти из этого состояния внутренней статичности, начать переход от одной жизни к другой, необходимо напрячься,

мобилизоваться, чтобы в полном смысле этого слова подвинуть или подвигнуть себя вперед. Это и есть подвижничество.

Когда мы беремся наконец за этот труд, то необходимо благодарить Бога за ту решимость, которую Он (точно — Он!) влагает в наше желающее доброго, но так отчаянно сопротивляющееся ему то и дело сердце.

И необходимо помнить еще о том, что тот же враг, который прежде держал нас в мягких и убивающе уютных объятиях сна лености и нерадения, убеждал, что «все идет нормально, ничего можно не менять», теперь постарается употребить все возможные способы для того, чтобы отвлечь от доброго намерения, запутать или запугать.

И о некоторых из этих способов хотелось бы сказать отдельно: слишком часто прибегает к ним противник нашего спасения и слишком действенными они оказываются.

Враг знает нас, изучает с самого момента нашего рождения наши слабые и сильные стороны, наши страхи, наши привязанности, наши сердечные расположения. Он гораздо прилежнее и

внимательнее в этом отношении, чем мы сами. И потому лучше понимает нас, нежели мы — себя.

И потому, если он видит в нас нерешительность, склонность к колебаниям, сомнениям, замечает нашу робость, то начинает убеждать в том, что надо пожалеть себя, не слишком усердствовать, подождать, пока для подвижничества наступит более благоприятный момент, когда обстоятельства в большей степени будут способствовать ему. И прочая, и прочая... И в итоге так нас расслабляет, что мы, и не начав, уже заканчиваем — безславно и безрезультатно.

Если же, наоборот, видит нашу ревность, то старается разжечь ее до предела, побудить нас покуситься на дела и свершения, силы наши превосходящие, что очень быстро приводит к надрыву, внутреннему слому, после которого мы опять-таки оставляем любые подвиги — поневоле, не имея уже никакой возможности подвизаться.

А оставление подвигов вследствие надрыва очень часто приводит к отвращению от них и к отвращению по отношению к ним, понуждает не просто оста-

новиться, но и очень часто — обраться вспять.

Еще одна хитрость представляет нечто среднее между двумя описанными выше. Мы начинаем подвизаться, несмотря на все вражьи козни, трудимся, в чем-то достигаем, в чем-то преуспеваем, но в какой-то момент... устаем. И тут враг наваливается на нас с удесытеренной силой. Начинает буквально закидывать помыслами о том, что подвизаться ведь придется не месяц, не год, а всю жизнь! И нет, нам ни в коем случае не выдержать такой жизни, если не дать себе отдых, не позволить расслабиться, не заявить о своих правах на льготы. На какие? На возможность сделать хотя бы несколько шагов назад, разрешить себе что-то из того, что однозначно решено было из своей жизни изгнать. И эти шаги назад очень быстро приводят к тому, что ноги заплетаются и мы падаем — однажды или многожды. Более или менее тяжело. А потом... Потом очень трудно бывает вставать и начинать все заново.

И, зная все эти уловки нашего противника, хочется как замеча-

тельное средство против них, как драгоценное сокровище мудрости духовной и опыта аскетического предложить наставление о правильном образе подвига великого старца Оптинского — преподобного Амвросия, человека, болевшего большую часть своей жизни и подвизавшегося — день за днем, мгновение за мгновением.

Подвиг христианский преподобный уподоблял труду бурлаков: они то тянут баржу, напрягая мышцы и сухожилия, то дают себе небольшую ослабу, то снова тянут, то опять немного замедляют движение — для того, чтобы мышцы не потеряли силу, а сухожилия не порвались. Но при том (и это крайне важно!) они ни на мгновение не обращаются вспять, направление их движения постоянно и неизменно. Они не спешат, они не допускают мысли о том, что баржу можно бросить, а самим сбегать, они тянут и тянут ее вперед.

Их путь долог, труд кажется невыносимо тяжким, и однако же они рано или поздно обязательно достигают своей цели.

Игумен Нектарий (Морозов)

Духовная жизнь настолько отстоит от наших привычных понятий о правильном, полезном и добром, насколько небо отстоит от земли. И даже если эта жизнь по видимости совпадает иногда с правилами доброй душевности, но все-таки отличается от нее, и отличается настолько радикально, что апостол Павел говорит о том, что душевный человек не принимает того, что от Духа Божия. И наиболее ярко это проявляется в событиях, которые совершенно не вписываются в канву привычных понятий о добре и благе. Господь печется в первую очередь о нашем спасении и благодатной жизни в вечности. А для достижения этой высшей цели, по непостижимым для нас путям Промысла Божия, попускаются людям и искушения, и страдания, и «несправедливости», смиряющие ум, душу и тело.

Святитель Иоанн Златоуст говорит о том, что собственно злом мы называем только грех, а всевозможные скорбные обстоятельства и саму смерть, даже внезапную, в результате несчастного случая, мы можем называть злом лишь относительно нашего житейского, повседневного представления о добре и зле. Другой святой, преподобный Паисий, говорит о том, что Господь не попускает совершиться злу, если не знает, что от действия этого зла произойдет большее благо. Для нас это звучит непостижимо. Но неисследимы пути Господни. И мы не знаем, чего удостоиваются

О том, что Православие — это не приятная прогулка по жизни, а трудный и опасный путь восхождения к Богу, требующий от нас самоотвержения, трезвости и готовности следовать за Христом до конца, рассуждает священник Димитрий Шишкин.

ЖИТЕЛЬСТВО НАШЕ НА НЕБЕСАХ

христиане, претерпевшие страдания и саму смерть, пусть даже «нелепую и случайную», как нам кажется, — в вечности. Вот как об этом говорит, например, преподобный Феодор Студит: «Добрая или недобрая смерть не тем определяется, что так или иначе кто скончался, но тем, если кто веру соблюл православную и жизнь имел безупречную».

Примеров таких внезапных и, казалось бы, неожиданных и «несправедливых» страданий и смертей праведников мы знаем немало. Один из ярких таких примеров — это смерть преподобного Афанасия Афонского, который вместе с некоторыми из братии осматривал строящийся собор и был погребен под рухнувшим внезапно куполом. Но никакой «случайности» и «нелепости» в этом, конечно, не было. А была лишь явлена в который раз разница между нашим — житейским — и Божественным пониманием добра, разница между временным и вечным благом.

Это понимание должно распространяться не только на край-

ние и трагические проявления зла в жизни верующих, но и на множество иных, странных, нелепых, скорбных и неприятных обстоятельств, возникающих, как правило, неожиданно и внезапно в ровной и, казалось бы, благочестивой жизни всякого верующего человека. В отношении всех этих обстоятельств можно с уверенностью сказать только одно — все они попускаются Богом для нашего смирения, очищения души посредством скорбей, или для стяжания большей славы, если мы говорим о праведниках. Но много ли из нас таких? Увы... Так что, по совести, надо нам говорить о том, что мы не замечаем, как коснеем в ложном чувстве самоуспокоенности, если не опасного и ложного самомнения. Нам кажется, что всё у нас более-менее благополучно в духовном смысле, что есть у нас и скорби свои, но и радости, что живем мы более-менее благочестиво и ровно, ну, и... все. Это ведь часто встречается и многим из нас свойственно. А где же покаяние действенное, покаяние не как единичный акт, а

как путь постоянного и терпеливого преобразования жизни? Путь, связанный с необходимостью трезвого осмысления своего действительного положения перед людьми и Богом. Часто этого нет, но мы не замечаем этого. И вот это как раз, по свидетельству многих святых отцов, — есть самое опасное состояние, именуемое ими духовным нечувствием. Когда человек вовсе уже не понимает, в чем ему каяться, а думает, что жизнь у него, в общем, добра и богоугодна, несмотря на какие-то неизбежные «шероховатости». И вот, посреди этого благодушного «жития» вдруг случается нечто такое, что, пусть ненадолго и в относительно щадящем режиме, но встряхивает нас, позволяет осознать свою немощь, недостойность перед Богом, а зачастую и с особенной ясностью обнаруживает некоторые греховные качества, которые проявляются именно в моменты внезапных скорбей и испытаний. Это может быть и маловерие, проявляющееся в унынии и малодушном омрачении, и гнев, и упреки, осужде-

ние других людей, это может быть и открывшаяся внезапно страсть сребролюбия или самолюбия, уязвление которого бывает особенно болезненно... Но именно обнажение всех этих наших греховных страстей, дремлющих в нас залогов и недостатков — это именно то, что необходимо для нашей духовной жизни. Для того чтобы мы удобнее приходили в состояние сокрушения сердечного, смирения и упования не на себя и порядки этого гибнущего мира, но на Господа. Чтобы мы научились молиться Ему с вниманием и усердием, преодолевая привычную теплохладность и духовную спячку. Чтобы вспомнили, что ничто в этом мире не бывает надежно, прочно и постоянно, что жительство наше — на небесах, и к этому надлежит нам стремиться, скорби жизни земной воспринимая как необходимое условие восхождения в небесное Отечество.

И если будем так относиться ко всем «внезапным, странным и нелепым» обстоятельствам, скорбям и случаям нашей жизни, то этого будет нам вполне достаточно, чтобы от всего сердца поблагодарить Бога за высшую науку — науку смирения, без которой нет и не может быть духовной жизни. И тогда, несомненно, Господь в свое время подаст нам и помощь, и утешение, и всё благопотребное для доброй жизни — и в вечности, и во времени.

Священник Димитрий Шишкин

Давно слышал, что дядя Петя заболел сильно, но не было повода попасть в село, где он жил. А для того, чтобы специально ехать проведать, я его слишком мало знал. Он нам родственник по жене, тете Насте, с которой мы тоже виделись крайне редко. Сын тети Насти и дяди Пети — мой ровесник, дочь — намного старше, она уехала в город давно: встречу — не узнаю. Когда-то, в былые времена, еще ребенком, бывал в их доме. Наша семья — папа, мама и мы с братом — жила тогда в одной комнате ветхого деревянного здания, и Тетинастин трехкомнатный дом с туалетом и ванной внутри казался нам сказочными хоромами.

Дядя Петя был худощавым, шустрым, доброжелательным человеком, очень практичным, деловитым, мастеровым. Он вечно что-то строил на участке, сажал на огороде — все сам, был заядлым грибником, ягодником, рыбаком. Винцом не увлекался, насколько помню. В общем, у него были одни достоинства, а недостатков, кажется, не было совсем. Что не мешало тете Насте обращаться с ним не то что грубо, а прямо свирепо. Она не разговаривала с мужем, а отдавала ему приказания и распоряжения не терпящим возражения тоном, орала на него в присутствии и своих, и чужих. Любимым ее выражением было: «У всех мужья — как люди, только у меня одной — не как человек!» У нас в семье не царил безусловный патриархат, но в страшно сне мне не могло бы присниться, чтобы мама позволила себе так говорить с папой, тем более при посторонних. Справедливо-сти ради надо сказать, что тетя Настя относилась нелюбезно ко всем, что и было причиной ее натыкнутых отношений с родней.

В этот приезд, теплым ясным деньком бабьего лета, выяснилось, что моя память резко преувеличивала размеры и комфорт скромной избы. Да и постаревшую, поседевшую тетю Настю я никогда не видел такой мирной, кроткой, подавленной. Открыв дверь, она несколько секунд вглядывалась в мое лицо и, узнав, всплеснула руками:

— Сынонька! Ты откуда? Проходи, проходи, не разувайся — я полы не мыла сегодня...

Мы прошли в комнату, где на кровати лежал дядя Петя. То, что от него осталось: скелет, обтянутый кожей, с открытыми невидящими глазами. Тетя Настя залепетала:

— Петенька, вот Валера приехал тебя навестить. Нина со Славой привет передают...

Дядя Петя не реагировал никак. Только редкие, чуть заметные вздохи показывали, что в бессознательном теле еще теплилась искра жизни.

На лавочке перед домом мы посидели с тетей Настей. Она рассказывала:

— Рак у Пети обнаружили пару лет назад. Вырезали весь желу-

Безмолвная исповедь

док почти. А болезнь вернулась потом. Он за полгода сгорел...

Я спросил:

— Тетя Настя, ты священника не вызывала — исповедать, причастить, соборовать?

— Ой, сынуля, и ты туда же! Меня Глаша, сестра, с этим уже добила, каждый день звонит: пригласи попа, пригласи попа... Я ж не против! Петя крещеный, в храме по праздникам бывал иногда. Муж сам хотел в церковь пойти, как чуть полегче станет, да ему все хуже становилось. Потом слег, а я все оттягивала визит к батюшке: страшно было, что он Петю пособорует — и тот умрет сразу. А потом Петя перестал двигаться, говорить. Водичку иногда ложечкой даю — слатывает. Как к нему священника вести, если он без сознания? И четвертую неделю вот так лежит, не умирает. Измучилась я на это смотреть.

В следующий раз я приехал уже через неделю, проводить дядю Петю в последний путь. Батюшка был, отпевал. Народу на похоронах и поминках по сельским меркам собралось много. За столы садились в несколько заходов. Дядю Петю вспоминали очень тепло. На деревенских поминках не произносятся, вставая, речей. Просто между собой люди разговаривали. Всем он помогал, всем добро делал. Даже сноха то и дело вытирала слезы.

Окончили поминки. Поминавшие разошлись. Невестка помогла свекрови убрать со стола, вымыть посуду — и ушла. Остались мы с тетушкой Настей в осиротевшем доме одни, разговаривали на кухне за столом. До вечернего автобуса была еще уйма времени.

Тетя жаловалась:

— Как я буду теперь без него жить, не знаю. Никому не нужна. Сын приходит только когда запьет, жена его выпроваживает из дома, пока не протрезвеет... Сынонька, а ведь Петю батюшка перед смертью исповедал, причастил, соборовал.

— Как так?

— Чудом... Позвала я все-таки священника. Пришел отец Василий. Посмотрел на Петю, покачал головой. Отозвал меня

на улицу. Отругал! Он молодой, горячий: «Да как же можно было дотянуть до этого! Жена называет. Он уже в таком состоянии, что ни исповедать, ни причастить... Эх, ты!..»

Вернулись в дом. Батюшка подошел к Пете и спрашивает:

— Петр, ты меня слышишь, понимаешь? Если да — можешь моргнуть глазами?

Тот моргнул!

Отец Василий:

— А два раза можешь моргнуть?

Петя моргнул два раза.

Священник спрашивает:

— Во Христа веруешь?

«Да», — Петя моргнул.

— Причастие сможешь проглотить?

«Да».

— Сейчас я тебя начну исповедовать. Буду задавать вопросы. Если хочешь ответить «Да» — моргаешь один раз, если «Нет» — два раза. Договорились? «Да».

Батюшка мне говорит:

— Выйди. Если что — позову.

Долго-долго я в соседней комнате сидела. Вышел батюшка со слезами на глазах:

— Ну, все, что можно было человеку сделать, сделали. Причастил его, соборовал. Теперь он только в Божьей воле.

Спрашиваю:

— Сколько с меня?

Он говорит:

— Да сгинь с глаз моих! Церковь вам не бюро платных услуг...

А вечером сын заявился. С похмелья. Пришел с меня выпивку требовать. Я ору:

— Уйди, ирод! Ничего не получишь, хватит кровь мою пить!

Он на меня кричит, я на него. Плачу:

— Что ж ты делаешь! Ведь отец еще живой, он слышит все...

И в этот момент поглядела на Петю. А он смотрит на нас, и губы у него шевелятся. Я подбежала, наклонилась:

— Петя, Петя, ты что-то сказать хочешь???

А он тихо-тихо прошептал, будто ветерок прошелестел:

— Я вас всех прощаю. Я вас всех люблю.

И закрыл глаза насовсем...

Валерий Серяков

РАСПИСАНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ

в храме святителя Тихона, Патриарха Московского и Всероссийского, на Кончаловских горах

- 2 октября Пятница. 16:00 Молебен с акафистом Пресвятой Богородице в честь иконы Ее «Всецарица», в Иверской часовне. 17:00 Вечерня. Утреня.
- 3 октября Суббота. **Вмч. Ефстафия.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Панихида. 16:00 Молебен с Акафистом свт. Тихону, Патриарху Московскому и Всероссийскому. 17:00 Всенощное бдение.
- 4 октября Воскресенье. **Неделя 17-я по Пятидесятнице. Отдание праздника Воздвижения Креста Господня.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Молебен водосвятный.
- 7 октября Среда. 17:00 Всенощное бдение.
- 8 октября Четверг. **Преставление прп. Сергия, игумена Радонежского.** 6:50 Исповедь. 7:00 Часы. Литургия. Молебен с акафистом. 16:50 Исповедь. 17:00 Всенощное бдение.
- 9 октября Пятница. **Преставление апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Свт. Тихона, патриарха Московского и всея России. Престольный праздник.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Молебен. 16:00 Молебен с акафистом Пресвятой Богородице в честь иконы Ее «Иверской», в Иверской часовне. 17:00 Вечерня. Утреня.
- 10 октября Суббота. **Мч. Каллистрата и дружины его.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Панихида. 16:00 Молебен с Акафистом свт. Тихону, Патриарху Московскому и Всероссийскому. 17:00 Всенощное бдение.
- 11 октября Воскресенье. **Неделя 18-я по Пятидесятнице. Обретение мощей прмц. вел. кн. Елизаветы.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Молебен водосвятный.
- 13 октября Вторник. 16:50 Исповедь. 17:00 Всенощное бдение.
- 14 октября Среда. **Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Молебен с Акафистом.
- 16 октября Пятница. 16:00 Молебен с акафистом Пресвятой Богородице в честь иконы Ее «Всецарица», в Иверской часовне. 17:00 Вечерня. Утреня.
- 17 октября Суббота. **Сщмч. Иерофея, еп. Афинского.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Панихида. 16:00 Молебен с Акафистом свт. Тихону, Патриарху Московскому и Всероссийскому. 17:00 Всенощное бдение.
- 18 октября Воскресенье. **Неделя 19-я по Пятидесятнице. Свт. Петра, Алексия, Ионы, Макария, Филиппа, Иова, Ермогена, Тихона, Петра, Филарета, Иннокентия и Макария, Московских.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Молебен водосвятный.
- 22 октября Четверг. 17:00 Вечерня. Утреня
- 23 октября Пятница. **Прп. Амвросия Оптинского.** 7:50 Исповедь. 8:00 Часы. Литургия. Молебен с Акафистом. 16:00 Молебен с акафистом Пресвятой Богородице в честь иконы Ее «Иверской», в Иверской часовне. 17:00 Вечерня. Утреня.
- 24 октября Суббота. **Ап. Филиппа, единого от семи диаконов.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Панихида. 16:00 Молебен с Акафистом свт. Тихону, Патриарху Московскому и Всероссийскому. 17:00 Всенощное бдение.
- 25 октября Воскресенье. **Неделя 20-я по Пятидесятнице. Память святых отцов седьмого Вселенского Собора. Калужской иконы Божией Матери (1812).** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Молебен водосвятный.
- 26 октября Понедельник. **Иверской иконы Божией Матери.** 8:00 Утреня. Исповедь. Часы. Литургия.
- 30 октября Пятница. 16:00 Молебен с акафистом Пресвятой Богородице в честь иконы Ее «Всецарица», в Иверской часовне. 17:00 Вечерня. Утреня.
- 31 октября Суббота. **Апостола и евангелиста Луки.** 8:50 Исповедь. 9:00 Часы. Литургия. Панихида. 16:00 Молебен с Акафистом свт. Тихону, Патриарху Московскому и Всероссийскому. 17:00 Всенощное бдение.

По договоренности со священнослужителем в храме совершаются таинства крещения, венчания, соборования, а также отпевание в храме, панихиды и литии на могилах. Возможны освящение транспортных средств, квартир, причащение и соборование болящих на дому, молебны перед началом добрых дел, путешествий и т.д. Телефон священника: **8 (484) 39 4-75-15, 8 (903) 109-35-66.** Электронный адрес: hram_st@obninsk.ru.

Проезд до храма святителя Тихона на авт. №№2, 3 до остановки «Кончаловские горы».

«ТИХОНОВСКИЙ БЛАГОВЕСТ»

Вестник выходит один раз в месяц

Распространяется бесплатно. Желющих оказать помощь в распространении газеты просим обращаться к настоятелю.

Учредитель вестника:

Местная православная религиозная организация, приход храма свт. Тихона, Патриарха Московского и Всероссийского, г. Обнинска, Калужской области

Ваша помощь нашему храму:

Р/счет 40703810395020020189
ИНН 4025001589
БИК 044525297

Главный редактор:

протоиерей Павел Синицын

Корректор: Ирина Санникова

Верстальщик: Марина Верхозина

Калужская обл., г. Обнинск,

Кончаловские горы

Телефон: 8 (484) 394-75-15

E-mail: hram_st@obninsk.ru
www.hram-st.obninsk.ru